

Война и политика

«Война есть просто продолжение политики другими средствами»¹. Так звучит самая знаменитая фраза самого знаменитого европейского военного теоретика Карла фон Клаузевица. Действительно, в нормальной ситуации военный инструмент является средством достижения политических целей. Цели эти могут быть самыми разными: от устранения опасного конкурента на международной арене до отвлечения внимания собственного населения от внутренних проблем. Будет ли цель достигнута — уже во многом вопрос военной стратегии.

Конечно, в истории бывали ситуации, когда вооруженные силы начинали действовать по собственной инициативе, когда генералы навязывали политическому руководству далеко идущие решения, когда политика занимала подчиненное положение по отношению к военной стратегии. Хороший пример — «диктатура Верховного командования» в Германии двух последних лет Первой мировой войны. Однако в целом это скорее исключение; правилом оставался приоритет политики.

Если политика является неадекватной, непродуманной, с нереалистичными (а иногда еще и преступными) целями, то самая блестящая стратегия не в состоянии этого исправить в долгосрочной перспективе. Победы на полях сражений обрачиваются в конечном счете политическими поражениями. Классический пример

---

¹ Клаузевиц К. ф. О войне. Т. 1. М.; СПб., 2002. С. 47.

Клаузевиц мог наблюдать собственными глазами: речь, конечно же, о Наполеоновских войнах. Череда блестательных побед, которые впоследствии на протяжении многих десятилетий изучались как образцы ратного искусства в военных академиях всех европейских стран, в итоге закончилась вступлением войск антифранцузской коалиции в Париж и смертью недавнего властителя Европы на затерянном в океане островке.

Однако наиболее разрушительные последствия наступают, если ошибочная политика сочетается с негодным военным инструментом. Если руководство страны не только ставит нереальные цели, но и не представляет себе действительных возможностей собственной армии, резко переоценивая ее и недооценивая противника. Столкновение с реальностью в этом случае становится весьма жестоким и болезненным, катастрофа — практически неизбежной. С одной такой катастрофой мы будем иметь дело на страницах этой книги: речь идет о гибели Второй империи во Франции.

Впрочем, в фокусе нашей работы находятся не французы, а пруссаки. В 1860-е годы прусское правительство во главе с Отто фон Бисмарком преследовало цель укрепить позиции Пруссии на международной арене, сделав ее центром интеграции германских государств, а заодно разрешить за счет внешнеполитических успехов внутренний кризис — «конституционный конфликт», противостояние короля и парламентского большинства. Эта цель была достигнута в ходе трех так называемых «Войн за объединение Германии» — против Дании в 1864 году, Австрии в 1866 году и Франции в 1870–1871 годах. Именно благодаря неоднократному использованию военного инструмента стала популярной расхожая фраза о том, что Германия была объединена «железом и кровью». На самом деле войны явились лишь наиболее яркими эпизодами непрерывных и весьма сложных международно-политических про-

цессов. Война являлась для Бисмарка — в полном соответствии с максимой Клаузевица — лишь продолжением политики другими средствами, причем к этим средствам он прибегал только в крайнем случае.

Здесь следует сразу покончить с одним весьма живучим мифом. Процесс объединения Германии — включая три войны — не являлся какой-то единой гениальной «многоходовкой», заранее продуманной и воплощенной в жизнь гениальным «железным канцлером». Будучи практическим политиком, Бисмарк прекрасно знал, что в реальной жизни «многоходовки» не работают, и чем сложнее план, тем меньше шансов на его успех. Сам он неоднократно говорил, что часто делал шаг в неизвестность, еще не зная, куда двинуться дальше, что его политика представляла собой умелое использование возникавших возможностей. «Думать, что государственный деятель может составить дальновидный план и твердо установить, что он будет делать через год, два или три — значит не понимать самой сути политики, — заявлял канцлер впоследствии, уже после своей отставки. — Можно лишь начертать общее направление; его следует постоянно держать в поле зрения, но невозможно точно знать дороги, по которым достигнешь цели. Политик напоминает путника в лесу, знающего направление, но не то место, где он выйдет из леса. Как и он, государственный муж должен выбирать те пути, по которым сможет пройти, если не хочет заблудиться. <...> Многие пути вели к моей цели, я пробовал их один за другим, самый опасный в последнюю очередь. Единообразие действий не было моей привычкой»². Политическое искусство «железного канцлера» заключалось именно в том, что он всегда четко видел конечную цель, но проявлял большую гибкость

---

² Bismarck O. v. Die gesammelten Werke. Bd. 9. Berlin, 1926. S. 49–50.

в вопросах путей достижения этой цели, всегда держал под рукой несколько вариантов действий и адаптировал их к постоянно меняющимся обстоятельствам.

Благоприятные условия для успеха Пруссии создавала сложившаяся международная ситуация. По итогам Крымской войны 1853–1856 годов система «Европейского концерта», призванная не допустить никаких серьезных изменений зафиксированного Венским конгрессом 1815 года баланса сил, дала трещину. Это наглядно продемонстрировали Итальянская война 1859 года и последовавшее за ней в 1861 году создание Итальянского королевства. Бисмарк внимательно изучал этот опыт, прекрасно понимая, что ситуация остается непростой и усиление Пруссии у многих соседей не вызовет ни малейшего восторга. Он двигался вперед поэтапно, используя открывшиеся «окна возможностей» и прибегая к широкому набору инструментов. Бисмарк не считал войну идеальным решением для любой проблемы, прекрасно сознавая, что это весьма сложный и дорогостоящий инструмент, к тому же сопряженный с высокими рисками.

«Война — слишком серьезное дело для того, чтобы доверять ее военным», — сказал сто лет назад французский президент Жорж Клемансо³. Бисмарк мог бы подписать под этими словами; одной из главных его задач стало сохранить контроль над ситуацией и не позволить генералам выйти за рамки политической цели. Объективно это оказывалось непросто; военные операции являлись той стихией, где власть и возможности главы правительства были резко ограничены; здесь он был вынужден полагаться на способность других людей получить требуемый ему результат. Поэтому Бисмарк по возможности избегал необходимости прибегать

---

³ Oxford dictionary of quotations by subject. Oxford, 2010. P. 499.

к оружию; не стоит забывать, что только одна из трех войн — с Австрией 1866 года — была напрямую инициирована «железным канцлером».

Каким образом и почему Бисмарк принимал решение о начале войны? Какие цели он преследовал и как обеспечивал контроль над их достижением? Как военная стратегия согласовывалась с политической? Как министр и генералы взаимодействовали друг с другом при подготовке и ведении войн? Именно на этих вопросах будет сделан акцент в представленной книге. Хочется особо подчеркнуть, что автор не претендует на исчерпывающее освещение истории объединения Германии или войн 1860-х годов как таковых; эта задача слишком масштабна для небольшой книги. Франко-германской войне 1870–1871 годов посвящена отдельная большая работа, написанная автором этих строк в соавторстве с А. В. Бодровым⁴. Что касается войн 1864 и 1866 годов, то посвященных им современных исследований на русском языке пока, к сожалению, не существует.

Напоследок — пара слов о структуре текста. Первая глава посвящена внешнему и внутреннему контексту прусской политики 1860-х годов. Каждая из последующих глав представляет собой рассказ о конкретном вооруженном конфликте, разделенный на несколько частей. Сперва описывается международная ситуация и политические решения, приведшие к войне, а также цели сторон. Затем рассматривается военная стратегия и общий ход боевых действий. Предметом заключительной части является достигнутый политический результат и извлеченные уроки. В приложения вынесены наиболее важные документы, позволяющие лучше понять взаимодействие политики и стратегии в ходе «Войн за объединение».

---

⁴ Бодров А. В., Власов Н. А. Железо и кровь. Франко-германская война. СПб., 2019.

ГЛАВА 1. ПРУССИЯ В «ЕВРОПЕЙСКОМ КОНЦЕРТЕ»

Венская система и Германский союз

В истории, как и в других науках, использование системного подхода является одним из ключевых принципов любого исследования. Человеческое общество — сложная система, вернее, совокупность множества сложных систем, одной из которых является система международных отношений. Здесь все взаимосвязано; невозможно изучать внешнюю политику одной страны и тем более деятельность одного министра или дипломата, не учитывая общий контекст и множество разнообразных факторов и движущих сил, определявших происходящее в системе.

Основы европейской системы международных отношений, существовавшей от победы над Наполеоном до Первой мировой войны, были заложены в 1815 году на Венском конгрессе. Целью его участников было обеспечить в Европе стабильность и порядок, не допустить новых разрушительный войн и революций. Это была весьма непростая задача, однако в общем и целом собравшиеся в австрийской столице монархи, министры и дипломаты с ней справились. Действительно, в течение следующих нескольких десятилетий в Европе не было крупных вооруженных конфликтов. Великие державы больше не вступали друг с другом в кровавые схватки. Опыт Наполеоновских войн, гремевших по всей Европе и далеко за ее пределами, многому научил современников. Теперь ведущие державы стремились

решать свои проблемы — и проблемы своих «клиентов» — путем сотрудничества, переговоров и компромиссов. Эта система взаимодействия была впоследствии метко названа «Европейским концертом».

Ведущую роль в рамках «концерта» играли пять великих держав («пентархия»): Великобритания, Франция, Австрия, Пруссия и Россия. Именно они являлись вершителями судеб континента, оставляя за собой право вмешательства в дела других стран. Основной принцип работы «концерта» был четко сформулирован на Лондонской конференции по проблеме Бельгии в феврале 1831 года: интересы Европы выше интересов отдельных государств¹. Решения при этом следовало принимать консенсусом, согласовывая позиции и достигая компромиссов путем переговоров.

Ключевой задачей «пентархии» являлось сохранение европейского мира; именно в этом заключался главный общий интерес великих держав, позволявший им достигать согласия по другим вопросам. Большое значение для поддержания стабильности имел принцип легитимизма; он подразумевал, что любые изменения — как границ, так и государственного строя европейских стран — незаконны, если происходят без общего согласия заинтересованных сторон. Для решения возникавших в рамках системы проблем регулярно созывались конгрессы и конференции представителей великих держав, порой работавшие на протяжении нескольких лет.

Разумеется, существование «концерта» не означало, что между державами не было серьезных противоречий, а их правители отказались от собственных интересов. Так, французская политическая элита стремилась к основательной ревизии Венской системы. Несмотря

¹ Schroeder P. W. The Transformation of European Politics 1763–1848. Oxford, 1994. P. 682.

на то, что страна быстро вернулась в круг великих держав, в Париже мечтали об усилении своего влияния в Европе. Сменяли друг друга режимы, но пересмотр статус-кво 1815 года оставался стратегической целью французских правителей. В то же время они вовсе не горели желанием вступать ради этого в безнадежный конфликт с остальными тяжеловесами тогдашней Европы.

После победы над Наполеоном обострился и Восточный вопрос. Слабеющая Османская империя, казалось, уже не могла контролировать свои окраины и готова была развалиться при малейшем потрясении. Происходившее на Балканах и Ближнем Востоке напрямую затрагивало интересы всех великих держав, за исключением Пруссии. В Вене и Лондоне стремились сохранить существующее положение дел; в Петербурге мечтали расширить свою сферу влияния в направлении черноморских Проливов, а быть может, и водрузить православный крест над Святой Софией. В Париже ближневосточные проблемы рассматривали как желанный повод для изменения в свою пользу сложившегося баланса сил в Европе.

В общем и целом политики ведущих держав были согласны в том, что распад Османской империи будет иметь непредсказуемые последствия и положит начало серьезному кризису, которого лучше избегать. Однако в каждой конкретной ситуации столкновение интересов оказывалось неизбежным. Так произошло, например, в 1820-е годы, когда в Греции вспыхнуло восстание против турецкого владычества. Канцлер Австрии Меттерних выступал категорически против любой помощи повстанцам. Британское правительство под давлением общественности, симпатизировавшей грекам, колебалось. В Петербурге тоже чувствовали себя оказавшимися между двух огней: доктрина легитимизма требовала сохранения власти законного правителя —

султана, а симпатии к единоверцам и политические интересы толкали в сторону вмешательства в пользу греков. В конечном счете, Россия с санкции Лондона вступила в 1828 году в войну против Османской империи, в которой турки потерпели быстрое поражение. Греция получила независимость, Турция вступила в полосу тяжелого кризиса, а Восточный вопрос окончательно превратился в главный источник головной боли европейских дипломатов.

Механизм и принципы работы «Европейского концерта» хорошо видны на примере так называемого Второго египетского кризиса, разразившегося на рубеже 1830–1840-х годов. Египетский паша Мухаммед Али, еще в 1810-е годы занявшийся модернизацией своих владений, стремился к полной независимости от Османской империи. Первая попытка была предпринята в 1831–1833 годах, когда египетские войска двинулись в Сирию, а оттуда на Стамбул. Султана спас российский император Николай I, высадивший десант на пути наступавших египетских войск и заключивший с Османской империей союзный договор. Между пашой и его номинальным повелителем было заключено компромиссное соглашение: Мухаммед Али получал во временное владение Сирию. Как это часто бывает, компромисс не устраивал обе стороны: султан не собирался терпеть слишком могущественного вассала, а паша стремился добиться полной независимости и установить окончательный контроль над Сирией. В 1838 году война вспыхнула вновь. Турецкая армия потерпела поражение, и в происходящее вмешались крупные игроки, стремившиеся не допустить нарушения баланса сил и распада Османской империи. В Лондоне собралась конференция представителей четырех из пяти великих держав — Франция отказалась от участия, поддерживая египетского пашу и делая ставку на выгодную для себя ревизию Венских соглашений.

В июле 1840 года четыре державы подписали договор о совместных действиях; они потребовали от Мухаммеда Али довольствоваться частью Сирии и оставаться вассалом султана. Переговоры оказались безуспешными, и с согласия своих партнеров англичане и австрийцы предприняли совместную интервенцию; в Сирии был высажен десант, флот обстрелял Бейрут, блокировал устье Нила и подошел к Александрии. В конце ноября Мухаммед Али был вынужден покориться. Во Франции эти события вызвали ожесточенные политические дебаты и возмущение общественности; на протяжении нескольких месяцев казалось, что египетские дела перерастут в войну великих держав. Однако в конечном счете в Париже одержали верх сторонники примирительной политики. В 1841 году Франция вернулась в состав «концерта» и стала одной из держав, подписавших Лондонскую конвенцию о проливах, которая обеспечивала сохранение баланса сил в регионе. Таким образом, несмотря на наличие острого кризиса, французское руководство вынуждено было отступить перед единым фронтом других великих держав, а те, в свою очередь, не стремились воспользоваться положением для того, чтобы ослабить Францию или лишить ее тех прерогатив, которые признавались за великими державами.

С предотвращением большой войны Венская система справлялась неплохо. Гораздо хуже получилось с решением другой важной задачи — ликвидацией революционной «заразы». В 1815 году по инициативе российского императора Александра I был создан Священный союз, объединивший практически всех монархов христианской Европы (наиболее примечательным исключением являлся британский король). Помимо поддержания мира в Европе, в его задачи входило сохранение «богоданного» политического строя. Среди тогдашней консервативной элиты было широко рас-

пространено представление о существовании единого широко разветвленного общеевропейского революционного заговора, с которым можно было бороться только общими силами. В случае, если в какой-либо из европейских стран происходила революция, Священный союз мог с помощью вооруженной интервенции восстановить законный порядок. С 1818 по 1822 годы состоялось четыре больших конгресса европейских держав. С их санкции были подавлены восстания в различных итальянских государствах, а также в Испании.

Однако задача консервации существующего политического строя оказалась объективно невыполнимой. Социально-экономическое развитие и прогресс общественной мысли делали перемены неизбежными. Подавлять революции было возможно до тех пор, пока они происходили в странах «второго эшелона», а между великими державами существовало согласие. Однако уже в 1820-е годы Великобритания выступила против проектов коллективной интервенции в Южной Америке, где испанские колонии боролись за независимость от метрополии. Позиция ведущей морской державы фактически поставила крест на любом международном вмешательстве в конфликт. А в 1830 году революция произошла уже в одной из великих держав — Франции. И вновь другие члены «пентархии», в конечном счете, отказались от планов вмешательства, сторонником которого был российский император Николай I. Бурбоны оказались свергнуты, на французский престол вступил «либеральный монарх» — «король-буржуа» Луи-Филипп Орлеанский.

Серьезные проблемы для желающих сохранить существующие порядки создавало и распространение идей национализма. В разных концах Европы представители, в первую очередь, образованных слоев населения все активнее подчеркивали свою национальную идентичность. С их точки зрения, целый ряд европейских

народов находился в неестественном, ущемленном положении: они были лишены собственного национального государства, находясь либо под властью «иностранных» правителя, либо в состоянии политической раздробленности. К числу первых относились, в частности, поляки, венгры, чехи, словаки, балканские народы Османской империи, к числу вторых — немцы и итальянцы.

Представление о том, что Германия должна составлять некое единое целое, в начале XIX века еще не являлось чем-то само собой разумеющимся. Решениями Венского конгресса германские государства (их насчитывалось почти четыре десятка) были объединены в рамках Германского союза. На деле каждое из них сохраняло практически полный суверенитет. Единственным общесоюзным органом являлся бундестаг («союзный сейм»), заседавший во Франкфурте-на-Майне. Его составляли представители всех государств-членов Германского союза, назначенные правительствами и действовавшие в соответствии с их инструкциями. Полномочия бундестага были довольно существенно ограничены, к тому же принятие любого решения требовало непростого согласования позиций сторон. Одной из важнейших задач Германского союза являлась коллективная оборона; он также не позволял малым и средним германским государствам оказаться под контролем какого-либо внешнего игрока, в первую очередь Франции.

Лидирующую роль в союзе играли две великие «немецкие державы» — Австрия и Пруссия. Их отношения представляли собой сложную смесь сотрудничества и соперничества. С одной стороны, Берлин и Вена боролись за влияние на другие германские государства. С другой, консервативные монархические интересы и ощущение принадлежности к единой национально-политической общности заставляли стремиться

к согласию. После 1815 года Пруссия в целом двигалась в фарватере австрийской политики. Однако начало индустриальной революции в Центральной Европе постепенно смешало баланс в сторону королевства Гогенцоллернов, где экономическое развитие происходило значительно быстрее, чем в империи Габсбургов.

Австро-прусский дуализм способствовал поддержанию равновесия в центре Европы, а германская раздробленность служила важным стабилизирующим фактором Венской системы. В Италии также сохранялась политическая раздробленность. Неформальную ответственность за поддержание порядка на полуострове несла Австрия, однако Франция время от времени стремилась поколебать ее позиции и утвердить здесь свое влияние.

В 1830-е годы «Европейский концерт» прошел через целый ряд кризисов — революция и провозглашение независимости Бельгии, внутренние конфликты пиренейских держав, турецко-египетский конфликт и связанное с ним обострение Восточного вопроса. Система сотрудничества великих держав была ослаблена, отношения между ними временами стремительно портились. Однако Венская система в общем и целом прошла испытание на прочность. Любые серьезные изменения баланса сил в Европе в итоге оказывались невозможными.

Тем временем на горизонте уже маячило новое мощное потрясение — европейские революции 1848–1849 годов. Они развернулись на территории большей части Западной и Центральной Европы. Из числа великих держав только Россия и Великобритания сохранили внутреннюю стабильность. В январе 1848 года началось восстание на Сицилии, а в феврале вспыхнула очередная революция в Париже. После этого «Весна народов», как ее стали называть современники, стремительно распространилась на другие территории — земли

Австрийской империи, германские и итальянские государства.

В программах восставших переплетались друг с другом политические и национальные мотивы. Представители европейских народов желали не только введения конституций, расширения своих прав и свобод, но и национального самоопределения. Во Франции была провозглашена республика. Во Франкфурте-на-Майне в мае 1848 года было созвано общегерманское Национальное собрание, которому предстояло выработать конституцию единой Германии. Восставшие венгры потребовали сначала восстановления своих старинных привилегий, а затем провозгласили независимость от Австрии.

Даже Николаю I, всем сердцем ненавидевшему бунтовщиков, было ясно, что перспектив успешной интервенции не существует. Однако после стремительного подъема революция в европейских государствах пошла на спад. Первые успехи привели к обострению противоречий между различными группами восставших, а значительная часть населения быстро устала от постоянной нестабильности и политического хаоса. Уже к концу 1848 года «старые» элиты перешли в наступление. Монархи в Берлине и Вене вернули себе контроль над ситуацией в столицах. Во Франции президентом республики был избран Луи Наполеон, племянник Наполеона I. Это было явным признаком того, что большинство французов хотят не потрясений, а стабильного авторитарного правления. Президент приступил к последовательному укреплению своей личной власти и в конце 1852 года провозгласил себя императором под именем Наполеона III.

Восстание в Венгрии было подавлено в 1849 году при участии российских войск. Николай I при этом действовал не столько из монархической солидарности с Веной, сколько из опасений, что успех венгров

вдохновит на новый мятеж его польских подданных. В Италии австрийские войска разгромили своих местных противников и восстановили дореволюционные порядки. В том же 1849 году германское Национальное собрание, лишившееся массовой поддержки, бесславно завершило свое существование. Выработанная им конституция так никогда и не вступила в силу. Одним из последних жестов отчаяния со стороны парламентариев было предложение германского императорского трона прусскому королю Фридриху Вильгельму IV. Монарх, однако, с негодованием отверг корону: во-первых, он не хотел принимать ее из рук бунтовщиков, во-вторых, понимал, что без согласия других великих держав взойти на германский престол он не сможет.

Тем не менее, в прусском руководстве были люди, желавшие использовать сложившуюся ситуацию для усиления своей страны. Под эгидой Пруссии был создан союз нескольких германских государств, который мог стать реальным шагом на пути к их дальнейшей интеграции. Логично, что Австрия выступила с категорическим требованием отказаться от подобных проектов, чреватых установлением прусской гегемонии в Германии. В Центральной Европе отчетливо запахло войной. Однако на стороне австрийцев вмешался Николай I, заинтересованный в сохранении существовавшего дуализма. При его посредничестве конфликт был урегулирован. В ноябре 1850 года в Ольмюце было подписано австро-прусское соглашение, в соответствии с которым прусская сторона отказывалась от всех своих планов. Германский союз воссоздавался в прежнем виде. Слово «Ольмюц» на долгие годы стало в Пруссии символом национального унижения.

К 1850 году от «Весны народов» остались только воспоминания. Казалось, революция потерпела полное поражение. В действительности это было не так: процессы, запущенные в 1848–1849 годах, оказались

необратимыми. Монархи были вынуждены поступиться своими правами — так, в Пруссии была введена в действие конституция, появился парламент (ландтаг), начали функционировать первые полноценные политические партии. Даже там, где немедленных изменений не произошло, революция нанесла серьезный удар существующей системе и способствовала консолидации ее противников. Потерпев поражение в 1849 году, венгры менее чем через два десятка лет смогли без всякого кровопролития добиться от Вены весьма масштабных уступок.

Серьезные изменения революции 1848–1849 годов вызвали и в системе международных отношений. Процесс постепенного усиления так называемых «фланговых держав», России и Великобритании, извлекавших значимые преимущества из своего географического положения, начался еще в XVIII веке. Теперь он достиг своего пика. Российская империя, которую стали называть «жандармом Европы», еще больше усилила свое влияние на континенте. Ольмюцкое соглашение показало, что Николай I может играть роль арбитра по отношению к происходящему в Центральной Европе. Это вызывало недовольство в Париже, где Луи Наполеон мечтал о славе своего венценосного дяди и искал возможность укрепить позиции режима внутри страны за счет внешнеполитических успехов. Ухудшению отношений способствовала и позиция российского императора, крайне негативно относившегося к французскому лидеру и считавшего его высокочкой и бунтовщиком.

Все это было чревато серьезным конфликтом, который мог разгореться от сравнительно небольшой искры. Последняя вспыхнула, что неудивительно, на Ближнем Востоке. В 1851 году Россия и Франция оказались соперниками в споре о том, какой из Церквей — католической или православной — будут принадлежать ключи от главных христианских храмов в Иерусалиме.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru